

Андрей ПЕРМЯКОВ

ДРУГИЕ, ИНТЕРЕСНЫЕ

Альманах современной удмуртской поэзии. Том 1, 2. – Ижевск: Штаб современной поэзии «ПоэтUp», 2018. – 176 с.; 174 с.

Восприятие двух томов альманаха у меня временами шло на уровне глубокого бессознательного. Нет, разумеется, читал внимательно, пытался анализировать, но преобладали эмоции. Изменялись они примерно в таком порядке: Обрадовался-расстроился-расстроился-обрадовался-обрадовался-расстроился-обрадовался и т.д. Сейчас поясню.

Чистый, беспримесный восторг сделался по прочтении начала предисловия: «Речь делает человека удмуртом...». Да, я сознательно изъясил слова из контекста¹, однако, вопреки Штирлицу, запоминается не только последнее, но и первое. А тут ещё и особый момент: по наиболее конвенциональной версии этноним «удмурт» означает «крайний, живущий с краю». Поэт, словом. Маргинал в хорошем смысле слова.

Далее, прежде знакомства со стихами, начал читать биографии участников и анкеты. Это не очень правильно, но объяснимо: из двадцати двух человек более или менее представительные подборки я прежде видел у шестерых, а восемь поэтических имён встретил впервые. Расстроился два раза. Во-первых, не обнаружил Марата Багаутдинова (но он часто нигде не участвует), а во-вторых, список любимых поэтов у авторов альманаха составили: Владимир Маяковский, Даниил Хармс, Иосиф Бродский, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Арсений Тарковский, Александр Вавилов, Дмитрий Быков, Алексей Шмелёв, Аля Кудряшова, Вера Полозкова, Серафима Ананасова, Оксимирон, Чарльз Буковски, Андрей Вознесенский, Александр Аронов, Ричард Бротиган, Олег Григорьев, Борис Гребенщиков, Владимир Парамонов, Птицами, Алексей Сомов, Андрей Родионов, Яна Дягилева, Тимур Кибиров, Велимир Хлебников, Лев Лосев, Всеволод Некрасов, Лёха Никонов, Вова Заболотский, Паша Никулин.

Плюс, разумеется, – упоминали друг друга.

Нет, поэты в основном отличные, особенно – авторы прошлых эпох, только вот на уровне тонких настроек подбор ориентиров обещал некий крен не то чтоб к эстраде, но к прямому поэтическому высказыванию, эпатажу, слэму, повелительному наклонению... Всё это явления интересные, любопытные, нужные, но хотелось равновесия. Тем более, известно: «Штаб современной поэзии ПоэтUp» был создан в мае 2016 года группой молодых литераторов, актёров театра Les Partisans. За последние годы мы видели немало удачнейших театральных постановок, основанных на современной поэзии, однако провалов было больше. Естественно, возникло опасение.

К счастью, всё оказалось интересно и непросто. К примеру, Лёху Никонова в числе любимых авторов упомянул Богдан Анфиногенов, похожий на него минимально. Громко пишущий о тишине; пишущий с большущей долей самоиронии и без малейшей агрессии, свойственной Никонову. Пишущий, кстати, на смеси удмуртского и русского в эквивалентных пропорциях – а такая смесь даже и в самых отдалённых районах маленькой Удмуртии не встречается. Тут обычно разговаривают на русском с вкраплениями местной лексики, либо наоборот: на удмуртском с русскими вставками. Немного похоже говорят некоторые коми, уехавшие из своей республики и живущие на севере Пермского края, но коми хоть и близкий удмуртам, но всё-таки другой народ. А у Анфиногенова роль иноязычных включений играют англицизмы. И трилингвальная поэзия у него получается крайне необычной: она явно рассчитана на русского читателя, не

¹ Полностью стартовый абзац предисловия выглядел так: «Речь делает человека удмуртом, ижевчанином, землянином. Поэзия настраивает и насыщает эту речь».

знающего удмуртского языка. Соответственно, у читателя этого возникают лакуны, зоны неясности. Такой читатель воспринимает часть поэтики как явление сугубо акустическое. Хотя смысл понятен. Тем более тематика стихов мирная вполне – при убеждающем ритме. Вот фрагмент текста об уютном удмуртском быте:

Жикъя ргомo

Я знаю,
Я вроде бы чувствую:
Жикъя – от слова «жикыт».
Считаю великим искусством
Аккуратный
удмуртский
быт!
<...>
Скажет бабушка «Остэньмаре».
Ты со мною, Жикъя воршудэ,
Ты со мною, Уча воршудэ,
Ты со мною, Пурга воршудэ!

С вами в мире и мне не пусто.
Ты со мною, Гондыр выжые,
Ты со мною, Пислэг выжые,
Ты со мной, Пегасья выжые!

Вкратце: тут сказано о ценностях удмуртского рода Жикъя, о тотемах и важности их в нынешнем мире. Но на своём языке. Именно на своём; не на удмуртском и не на русском. Однако парадоксальным образом получается удмуртский рэп, принадлежащий русской поэзии. Вот в финалах трёх последних строк упоминается последовательно дух медведя (гондыр), дух синички (пислэг), а третьего – угадаете ведь?

Но Анфиногенов, конечно, отдельный. Он вообще известен. Музыкант, культуртрегер. Говорит о себе именно как о русском поэте, привлекающем внимание к родному удмуртскому языку. Тут самое время и нам сказать об удмуртском и об удмуртах. Впрочем, пусть Анфиногенов излагает, раз уж начал:

Мой народ

Мой народ не больше миллиона,
Рыжий, как Леннон,
Узкоглазый, как Йоко Оно.
Красивый, как Селена Гомес,
Миловидный, как Джастин Бибер,
Я так не хочу, чтоб он вымер!
Как вымерла Эми Уайнхаус
От наркоты, алкоголя и кляуз.
Он еще жив, как старик Игги Поп,
Мой народ еще садит укроп!
Мой народ еще ходит на танцы,
Он как японцы, он как иранцы,
В школу ходят портфели и ранцы...
Распускай свои косы,
Рапунцель!

Мы идем в край гламура
и глянца

Насчёт рыжих это да, удмурты такие. Говорят, даже более рыжие, чем ирландцы. Но ирландцев я в естественной среде обитания не наблюдал. Миловидные – факт. О красоте не спорят, прекрасны все, но про узкоглазость Анфиногенов, думаю, присочинил. Он вообще подобное любит. В одном из довольно известных его текстов упомянуты удмуртские юрты – то, чего на белом свете вообще не может быть. Удмурты сроду не были кочевниками, это один из самых укорененных на своей земле народов.

Но откуда знать о невозможности тех юрт стороннему читателю? Что мы, жители центральной² России, знаем об удмуртах? Они ж правда живут будто в уголку. А меж тем народ не слишком и маленький. Почти семьсот тысяч («не больше миллиона» – по справедливой версии Анфиногенова). Их ближайших родственников – коми-пермяков и коми-зырян вместе взятых – сильно меньше, чем удмуртов. Просто Коми – огромная республика, а Удмуртия – с одеялко. Да и на отшибе. Вот через Чувашию идёт Сибирский тракт, он же ныне – федеральная трасса М7 «Волга». А через Удмуртию – только подход той трассы к Ижевску. Нет, ну, ещё две железнодорожных ветки Транссиба, факт. Хотя и не в этом дело. Удмурты ж вправду тихие довольно. Хотя ироничные.

Но так мы совсем уйдём в этнографию. Лучше, всё-таки, определим суть и метод выбора авторов альманаха. Хотя суть эта окажется снова неотделимой от национальной и региональной составляющей. Ирина Кадочникова в статье «Удмуртия и “удмуртское” в творчестве Андрея Гоголева³» написала, что «поэты новой парадигмы (сюда мы относим не только молодых авторов, но и тех, чье творчество находится за рамками традиционной поэтики – например, А. Корамыслова) начали актуализировать категорию “удмуртское” для решения целого ряда художественных задач».

О подборках Корамыслова и Кадочниковой поговорим непременно; Гоголев, будучи, кажется, одним из вдохновителей проекта, сам непосредственного участия в альманахе не принял, но вот на актуализации категории «удмуртское» надо остановиться подробнее. Понятно, каким образом этот момент реализован у Анфиногенова. Чуть иначе и не менее интересно работает в ситуации двуязычия Анастасия Шумилова. Очень давно хотел прочесть книгу её билингв, а тут почти получилось: двадцать пять стихотворений, включённых в альманах – это ж книга! Хотя и маленькая. Зато в альманахе у Анастасии – больше, чем билингвы. Как это может быть? Примерно так: идёт текст на удмуртском, набранный обычно – чёрным по белому. За ним, фоном, белыми литерами на сером – русский авторский подстрочник. И на следующей странице – литературный перевод на русский язык. Автором большинства переводов указана Александра Можгина, что придаёт дополнительный оттенок: Можгинский район – сердце Удмуртии. Хотя, возможно, и не одно: у маленькой республики много сердец.

Но не менее интересно получается, когда вслед стихотворению на удмуртском и подстрочнику идёт русский перевод, выполненный самим автором. Хотя о переводе тут можно говорить с большой долей условности. Например:

Постудмуртъёс ***Постудмурты***

кышнопалан вазе кубыз куара,
на кухне льются звуки кубыза,
балкон бусаськемын лемлет чынэн,
балкон туманится розовым дымом,

² К географическому центру страны Удмуртия расположена не в пример ближе, чем, скажем, Москва.

³ Опубликовано в сообществе «ПоэтUr» Вконтакте, 27 августа 2019 г. <https://vk.com/@13523002-udmurtiya-i-udmurtskoe-v-tvorchestve-andreya-gogoleva>

кин ке эрик сярысь мар ке вера,
кто-то что-то рассказывает о свободе,
кин ке суредаса пуке кенэм,
кто-то рисует лист конопли.
турын-куар чай но чырсалэс мусур,
травяной чай, кислую медовуху,
кубыз куара юиськомы. монэ
звуки кубыза мы пьем. меня
зыгыртыса, мусо пияш кылбур
обняв, милый парень стихи
пелям лыдэ – потэ ымдурьёсме
мне шепчет в ухо – хочется губы
солэн ымдурьёсыз борды лякем,
к его губам приклеить,
но мон со интые приставка «пост-»
но я вместо этого приставку «пост-»
лякыйсько кыльёс борды. пөрме:
приклеиваю к словам. получается:
постэтно, постфутура, постневроз,
постэтно, постфутура, постневроз,
.....
.....
постзэрпальёс – кузьылиос быдза.
постзэрпалы – размером с муравьев.
сисьме постмодернизм. постудмуртьёс
гниет постмодернизм. постудмурты
кошко постпыжьёсын постКам кузя.
уходят на постладьях по постКаме.

Постудмурты

мы пили чай из трав,
играли на кубызе,
удмуртку рисовал,
ругая Мону Лизу,
постэтнофутурист.
курил табак домашний
и составлял плейлист
для выставки «арт-пашня:
пейзажи в стиле ню»,
читал стихи на вотском,
какую-то фигню
рассказывал о Бродском,
к словам приставку «пост-»
приклеивал: постгуру,
потствера⁴, постневроз,
постэтно, постфутура.
прекрасный новый мир,
что ждет нас в устье Камы,

⁴ Так в оригинале, я не виноват.

он описал – и стих.
играли барабаны,
галдели все, а он
сказал мне по секрету,
что видел страшный сон:
впадает Кама в Лету.

Цитата длинная, но уж очень показательная. Тут ведь не только в ритме разница, тут интересно, о чём на разных языках (читай – в разных мирах) разговаривают. И в каком темпе. А зэрпалы – это такие удмуртские великаны, ставшие вдруг в тексте размером с муравьёв⁵. То есть автор одновременно почти физически переживает из-за умаления родных удмуртов, а параллельно размышляя на русском языке, отмечает недостатки мира в целом и те малые точки этого мира, которые ещё дают надежду.

Однако Анастасия Шумилова, как и Богдан Анфиногенов – вполне однозначные примеры работы с «удмуртскостью». Они, скорее, исключения. У большинства авторов методы косвенные. Скажем, открывающий первый том Егор Завгородний некоторое время назад победил на московском Филатов-фесте с довольно эстрадными текстами. А затем сделался известен клипом на ютубе, где сочинял стихи на скорость. Занятие на любителя. Но вот в альманахе его тексты гораздо интересней, а перепады от жалости к себе до самоиронии весьма импонируют пьющему читателю. «Плацкартиаду» просто рекомендую всякому, едущему в вагонах второго класса. А также всем, кто любит, к примеру, Кибирова. Хотя формально – автор пишет о себе, пишет весьма насмешливо. Мы, видимо, в плацкартах становимся одинаковыми.

В памяти сразу возникает другая поэма – «Москва – Петушки». Но очень важно, что герой едет именно в *удмуртскую* провинцию. И провинция эта не становится «городом Зеро», а вливается в контекст русской литературы, сохраняя имя собственное, как ранее влились туда Петушки. Удмуртские словечки и фразы играют лишь вспомогательную роль.

Катя Растягаева (такой вариант самопрезентации выбрала для себя Екатерина Растягаева) на первый взгляд ещё дальше от региональной аутентичности в её чистом виде. И живёт, кажется, в Московской области, работает учительницей. Могу сильно ошибаться, но небольшая поэма «Из записной книжки учителя» – едва ли не лучшее сказанное за последние годы о нынешних подростках. Возможно, дело в том, разница в возрасте между автором и *героями* ещё не слишком велика. Но как только поэт начинает говорить о себе любимой, текст словно теряет индивидуальность. Это временно, думаю. Дэвид Коупленд называл подобное «кризисом середины молодости».

Но стоп. И Завгородний, и Растягаева, и остальные авторы первого тома заслуживают безусловного внимания, однако мы говорим об альманахе в целом, и говорим о нём именно в удмуртском контексте. В чём этот контекст у «Катки» и у других авторов, пишущих сугубо на русском, а также о стихах Ирины Кадочниковой уместней будет сказать к финалу, а сейчас попробуем чуть обобщить первую часть альманаха. Обобщить, учитывая отчётливое разнообразие творчества вошедших в этот том поэтов.

Самыми частыми образами здесь, похоже, оказались рваные кеды, романтические берега озёр и рек, поезда. Это, разумеется, всё весьма поколенческое, но с колоритом. Железная дорога, как мы уже сказали, играет для республики особую роль. Рельефы здесь тоже очень специфические: «гора» Байгурезь, известная как одно из самых живописных мест Удмуртии, возвышается над рекой Чепцой метров на тридцать – это я ещё, кажется, завишаю оценку. А грозный перекаат куинь сэрго⁶, расположенный по течению чуть ниже, носит в народе имя «джакузи». Каковую и напоминает. Словом, спокойные тут реки,

⁵ Есть ещё великаны Алганасары, но чем они отличаются, я не очень понимаю.

⁶ Дословно – примерно – «треугольник». Как по-татарски – «эчпочмак».

медитативные. Похожие на местное население. Рваные кеды? Тоже понятно. Молодёжь здесь модная. В середине нулевых годов сего века количество готиков и эмо на душу населения в Ижевске и Воткинске превышало питерские значения. А уровень жизни всегда уступал соседним Казани и даже Перми. Разумеется, я утрирую, но в обзоре это неизбежно: рекомендую прочесть альманах самостоятельно и вынести суждение.

Заглянем во второй том. Предисловие гласит: «В первом томе в основном были представлены молодые авторы. Их значимость покажет только время, о котором они сейчас так точно и искренне говорят. В этой книге⁷ найти в авторах что-то общее будет проблематично».

Но, как ни странно, именно по прочтении второго тома становятся понятными и выбор литературных ориентиров, и глубинная общность поэтов, представленных в альманахе. Поэзия их весьма экстравертна. Да-да, это не я опечтался и не вы читались.

Возразить будет легко. Как же, к примеру, Зинаида Сарсадских? У неё ж довольно суггестивная поэтика? Спорить не буду. Вполне суггестивная. Но суггестивная не означает «герметичная». Да, Сарсадских часто транслирует поток сознания, не слишком заботясь о его ясности для окружающих. Однако ключевое слово тут – «транслирует». Дескать, вот я, вот мысль моя. Нравится – понимай, о чём вот этот вот вальс:

Онлайн

Из онлайн – в офлайн, и обратно
Из офлайна обратно в онлайн
И уже никакой в этом тайны
И вообще никаких больше тайн

Ин зе мирроу энд бай зе мирроу
Ин зе мирроу ви си э спэйс
Эт зе дорз из стэндинг зэт хироу,
Бат зэт хироу хэвнт э кейз

Или, к примеру, танкетки Александра Корамыслова. Их на поверхностном можно воспринять, как учебное пособие для взрослых, изучающих удмуртский язык. А на предельно поверхностном – не иначе как тарабарщину. Порой автору для танкетки (а напомним, это – «две строки/шесть слогов») требуется эпиграф втрое длинней самого произведения:

«Иворъёс» (удм.) – «Новости»
бандиты
и воръё-с

only you (англ.) – только ты
ю (удм.) – пей
онли ю
только пей

коньдон (удм.) – деньги
куджем (удм.) – пьяный

⁷ То есть во втором томе альманаха.

макмыр (удм.) – похмелье
коньдон
куджем макмыр

Удмуртская танкетка
(– понял меня ?
– не понял)
вала мон
уг вала

Снова выручает Ирина Кадочникова. Вот что она написала о Корамыслове: «Читатель, не знающий удмуртского языка и, соответственно, не понимающий смысла фразы, прежде всего обратит внимание на ее фонетический строй, в основе которого – прием ассонанса, то есть музыкальное начало. Танкетка словно раскрывает музыку удмуртского языка, его красоту. Паратекст же в этой связи дается для сравнения: та же мысль в русскоязычном варианте передается отнюдь не поэтическими средствами. Однако именно паратекст обеспечивает возможность генерации смысла»⁸. То есть в последней из приведённых танкеток речь идёт о непонимании. Некто спросил на удмуртском языке, понял ли его собеседник. Собеседник отвечает на том же языке, но говорит, что не понял! Язык общий, а коммуникации не получается. Следовательно, непонимание тут глубинное, на уровне означаемого, а не на лингвистическом. (*Пересказывать поэтический текст, тем более – изложенный в виде миниатюры, очень забавно, но критик на то и даден, чтоб быть смешным*).

Кстати, статья Кадочниковой открыла неожиданный смысл в ещё одной танкетке Корамыслова. Вот в этой:

Либидо
чичпотон

Да, удмуртское «чичпотон» действительно по смыслу близко термину либи́до. Но в сниженном варианте. Вроде как «похоть», только смешнее. А главное, так называется сайт, чьи владельцы через околоэротическую тематику тоже привлекают пользователей (ясное дело – молодёжь в основном) к изучению родного языка.

Кстати, важный момент: мы всё время говорили о восприятии удмуртской лексики русским читателем. Но ведь верно и обратное: через отражение в русском языке удмуртские слова обретают дополнительные смыслы. Конечно, практически всё население Удмуртии на русском так или иначе говорит, но поэтическая речь на то и поэтическая, чтоб придавать обертоны. Впрочем, тут мы тут снова попадаем в область гипотез.

Вернёмся ещё раз в том первый. После того как Ирина Кадочникова столь помогла нам разобраться с поэтикой авторов альманаха, не поговорить о её собственном творчестве было бы несправедливо. Хотя и не в справедливости дело. Просто её стихи, кажется, идеально противоречат тезису об экстравертности и открытости представленных поэтов. Тут даже сложно привести цитату либо отдельное стихотворение: внешне вся система образов, вся просодия Кадочниковой есть апология одиночества: надежда на перерождение, весёло-жуткие тексты о мёртвых людях, ибо в жизни нынешней нам друг друга не понять... Но, опять-таки: возникает ощущение, что автор говорит тебе о твоём

⁸ И. С. Кадочникова. Удмуртские лексемы в танкетках Александра Корамыслова. Вестник Удмуртского университета. Т. 28. Вып. 6. 2018.

одиночестве. Причём говорит крайне ненавязчиво. То есть *по-удмуртски*, но на русском языке. Экстраверсия это ж не обязательно стремление навязать себя миру. Это чаще – стремление с миром поговорить.

Или вот, скажем, стихи Руслана Муратова – в частности, его большой цикл про Валю, весьма напоминающий о лианозовской школе – тоже вполне диалогичны. Хотя формально автор занимает сугубо наблюдательную позицию, а непутёвая Валентина отдувается за всех обитателей холинских бараков:

Валя направляется к ларьку

У Вали в кармане сотка,
найденная на вокзале.
Валя берёт водку.
Водка берёт Валю.

Читатель тут просто обречён домысливать и заодно – проводить аналогии. То есть опять имеет место прямой контакт с реципиентом стихов.

И, пожалуй, главное. Экстраверсия у поэтов альманаха – прежде всего на уровне звука. Он открытый. Или кажется таковым. Понимаю, что обобщать нелепо, но повторю: мы сейчас пишем про впечатление от альманаха, при том что авторы все разные, и практически каждый достоин отдельного разговора.

Маленький итог. Как вы поняли, знакомство с текстами доставило автору рецензии сугубое удовольствие. Действительно: очень интересная двуязычная (в основе – двуязычная, а вообще – мультикультурная и полилингвальная) молодая поэзия, обеспечивающая приращение большой русской литературы через регионализмы и чрезвычайно близкий, но чуть отличный менталитет. Поэзия самоорганизованная, с хорошей университетской поддержкой. Подлежащая расширению границ: скажем, Глеб Бардодым (кажется, он теперь снова публикует стихи под именем Андрея Баранова) – причастен сюда или нет? Хотя это только ему и коллегам решать.

Тут бы задать вопрос: отчего в других регионах подобных изданий нет? Но это будет хитчеством и риторикой. Во-первых, издания есть, а во-вторых, качество их в большинстве случаев удручает. Особые случаи, конечно, существуют, но они – на вес золота; о некоторых из них мы в самом финале рецензии упомянем.

И вообще: хватит о добром. Дальше будет преобладать упомянутая в начале статьи категория «расстроился». Прежде всего, я очень долго тянул с публикацией, ожидая продолжения темы альманах «ПоэтУр». Давным-давно, кажется, в 2003-м году, Виталий Кальпиди в предисловии ко второму тому Антологии современной уральской поэзии выдал довольно чеканную формулировку. Он умеет: «Итак, грамотная Антология – это несколько последовательно изданных книг, объединённых единством взгляда и места и разъединённых моментами времени, в которые этот взгляд решился скользнуть по поверхности этого места». Время подтвердило его правоту, и год назад вышел четвёртый том Антологии уральской поэтической школы. Название поменялось, а суть осталась. И периодичность – строго один раз в семь лет.

Но это – антология. А что такое тогда альманах? Мне кажется, альманах нужен для отражения именно текущей и локальной ситуации. Поэтому отсутствие новых выпусков на протяжении относительно долгого времени, в данном случае – больше года – огорчает. Хотя понятно: первыми двумя томами задана очень высокая планка, и снижать её нельзя.

И ещё один раз опечалимся. На уровне региона – всё, кажется, отлично. Не будем сравнивать с расположенным рядом Уралом: там одних миллионных городов три штуки, а общее население Пермского края, Свердловской и Челябинской областей превышает население Удмуртии раз в пятнадцать. Казань, Нижний Новгород или Саратов – города,

где литературная ситуация представляется очень внятной, – тоже гораздо крупнее. В смысле, что каждый из этих городов – сильно больше по населению целой всей Удмуртии.

Но вот есть Вологда. Область там большая, а город – маленький. Вдвое уступающий Ижевску по населению. Однако тамошних авторов знают все. Почему? Традиции, наверное. Рубцов. Огромные таланты, работа. Несколько регулярных фестивалей. Идут споры: существует некое единство вологодских авторов, или это – конструкт, созданный ленивыми литературоведами ради собственного удобства. Мнения тут возможны разные, но обсуждение-то идёт.

Потому что, в отличие от многих регионов, предмет для разговора в городе Вологде есть. Так ведь и в Удмуртии есть! Но пока – тишина на поверхности. Известность за пределами ~~ижевского~~ ~~пруда~~ республики получают лишь отдельные авторы, разрозненно. Через семинары молодых поэтов или ещё как-то.

Конечно, в самодостаточности ничего страшного нет, но вспомним имена живших в Удмуртии и погибших там же авторов новейшей генерации: Денис Бесогинов, Алексей Сомов. Это только самые яркие, подобных историй, увы, было гораздо больше.

Словом, фестиваль бы? Или коллективное участие авторов альманаха в каком-либо из фестивалей, расположенных неподалёку. Опять-таки: в Перми, Саратове, Тольятти. Выбор большой. Чтобы вдруг с общением и пресс-конференцией. Я б вот спросил, к примеру: почему главная река в поэзии современных удмуртских поэтов, пишущих на русском – Кама, задевающая республику, в общем-то по краю, в Сарапуле и Камбарке, а не родная-преродная Чепца? И ещё бы о разном, интересном узнать попытался.

Или не попытался бы. Или не знаю. Просто б пообщаться, книжки почитать.